

НОВГОРОДСКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 9

Среди древнерусских берестяных грамот, найденных советскими археологами летом 1951 г. при раскопках «Холопъей улицы» в Новгороде, особый интерес вызывает наиболее ранняя из них по времени, и в то же время лучше других сохранившаяся, грамота № 9¹.

Вот что пишет о ней в своей первой печатной публикации² руководивший раскопками проф. А. В. Арциховский.

«Грамота № 9 найдена на глубине 4,56 м. между 16 и 17 строительными ярусами, возле мостовой³; по форме букв и по залеганию относится к XI веку. Эта древнейшая из грамот отличается наилучшей сохранностью и наибольшей четкостью. Текст гласит: «От Гостяты къ Васильви. Еже ми отъць даять и роди съдаяли, а то за нимъ. А ныне, вода новую жену, а мъне не въдасть ничьтоже. Изби, в руки пустилъ же мя. А иную поялъ. Доеди, добъ е сътворя». Имя Гостята родственно новгородским летописным именам Гостилеп и Гостомысл. Имена с окончанием на «ята» часто встречаются в новгородских летописях XI—XII вв., позже они становятся редки. Слова «роди съдаяли» означают, вероятно, «родные также дали». Выражение «водити жену» имеется в церковном уставе Ярослава XI в. и в уставной грамоте Ростислава Мстиславича 1150 г.; слово «водимая» означает жену в летописном рассказе о Владимире I. Не совсем понятны слова «в руки пустил». Глагол «поять» в смысле «взять в жены» летописи, в том числе новгородские, употребляют неоднократно в XI—XII вв., говоря о княжеских браках, начиная от Владимира I, в том числе о свадьбах Мстислава Владимировича и Святослава Ольговича с дочерьми новгородских посадников. После XII в., судя по словарию И. И. Срезневского, этот глагол имел форму «понять». Содержание этого древнейшего частного письма можно понять следующим образом. Гостята жалуется на своего отца, женившегося на двух новых женах и отнявшего по этому случаю у него имущество. Отец здесь является носителем традиций большой семьи, патриархально распоряжаясь имуществом ее членов. Сын опирается на новые, городские нормы, требуя отдельного владения. Он обращается к некоему Василию, надеясь, что тот придет, сотворив добро, то есть поможет. Здесь мы имеем возможность познакомиться с разговорной речью XI века».

Не вдаваясь в систематический орфографический и морфологический анализ текста грамоты (он дается в помещенной в этом же номере статье проф. В. И. Борковского), остановимся на разборе ее содержания.

Итак, по истолкованию проф. Арциховского, грамота является письмом к «некому Василию» Гостяты-сына, который жалуется «на своего отца, женившегося на двух новых женах и отобравшего по этому случаю у него имущество». Такое содержание письма дает повод А. В. Арциховскому характеризовать его как отражение извечной борьбы между старым и новым, между «носителем традиций большой семьи», представителем ее патриархального уклада, с одной стороны, и активным защитником «новых городских норм», — с другой.

Нам представляется, однако, такое толкование найденного памятника (да еще с далеко идущими выводами автора статьи), по меньшей мере, не имеющим достаточного основания.

В самом деле, если допустить, что письмо составил некий Гостята-сын, который жалуется на действия своего отца, то перед нами возникают недоуменные и не находящие себе ответа вопросы.

Какому случаю или обычаю был обязан сын получением от отца и родных какого-то (очевидно, ценного) имущества?

Если сын не был выделен (что объясняло бы причину полученных им «даяний»), а жил вместе с отцом (как и думает проф. Арциховский, приписывающий «сыну» «требование отдельного владения»), то, очевидно, он пользовался общим имуществом, принадлежавшим всей семье. Что же это за особое и ценное имущество, которое сын, живший в семье, считал только своим и которое так понадобилось отцу, «женившемуся на двух (!) новых женах»?

Кроме того, подчеркнем, что грамота, как было указано, датируется XI в. Судя по глубине культурного слоя, где она была найдена, грамота должна быть близка к XII в. По крайней мере грамоты № 8 (XI—XII в.) и № 7 (XII в.) отделены от письма Гостяты лишь несколькими сантиметрами слоя и всего одним рядом (16-м) древней мостовой.

¹ Найденные десять грамот обозначались номерами в порядке их нахождения.

² См. А. А р ц и х о в с к и й, Новые открытия в Новгороде, «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87.

³ Раскопками были вскрыты 25 строительных ярусов — деревянных мостовых, датируемых от X до XVI в.

Но даже и при допущении того, что грамота относится к концу XI в.⁴, мы не должны забывать, что ко времени ее написания от официального принятия христианства прошло уже по крайней мере 100 лет.

Хорошо известно, что христианская церковь всегда своими уставами утверждала и защищала единобрачие. Руководящие представители епископата с первых же лет официального признания христианства на Руси стремились не только оформить юридически положение церкви, но и закрепить его получением в свою юрисдикцию целого ряда дел из области гражданского права. Первые князья той эпохи (Владимир, Ярослав) всячески, как подчеркивают в своих исследованиях наши историки права, шли в этом вопросе навстречу церкви. В Уставе Ярослава мы находим длинный перечень правонарушений, переданных в ведение духовного суда.

В частности, церковь не оставалась и не могла оставаться безразличной к открытым нарушениям той морали, которую она проповедовала, и того брачного кодекса, какой она совместно с государственной властью устанавливала: случаи «умыкания», насилия, самовольного развода, двоеженства предусматривались церковными уставами и строго карались.

По Уставу Ярослава двоеженец карался 40 гривнами штрафа. Штраф значительный, равный штрафу за убийство (см. «Русскую правду»).

Сомнительно поэтому, чтобы «сын», якобы имевший со «своим отцом» имущественные споры, прошел мимо явно преступных действий отца (двоеженство), к тому же послуживших причиной «отобрания» имущества. Но памятник и не дает оснований интерпретировать его как жалобу на «отобрание» имущества. Никакого существительного, обозначающего «имущество», в письме нет. Наличия местоименных слов *еже* (= «все, что...»), *то* и отрицательного местоимения *ничтоже* (= «ничего»), употребленных именно с этим очевидным здесь значением во всех трех случаях, где даны эти слова, не связывается с представлением о каком-либо насильственном «отобрании»: «все то, что мне *далъ*» («давал, подарил»), а *то га нимъ* (= «постушило и находится в „его“ распоряжении»), *не въдастъ ничтоже* (= «не отдал ничего»).

Сравнивая фотоснимок грамоты⁵ и оттиски рисунка, сделанного с подлинного изображения надписи⁶, с текстом, который дается А. В. Арциховским при его разборе, можно видеть ту предварительную обработку, какой автор статей подверг грамоту: пять неполных строк сплошного текста грамоты разбиты им на отдельные слова и на предложения (расставлены точки, запятыя), графика документа («ять», «юсы», «омега» и т. д.) заменена современными буквами.

По поводу разбивки текста на слова мы будем еще говорить дальше, но здесь укажем лишь, что автор статьи, производя деление на предложения и разбирая текст, напрасно не обратил никакого внимания на союз *а*. Союз этот особенно часто употреблялся в древности, как присоединительный, связывающий цепочку предложений и слов. Здесь же, из четырех случаев его употребления, два раза он имеет ярко выраженный характер *п р о т и в о с т а в л е н и я*, усиленного особыми словами («а ныне», «а иную»). Зачем же были даны эти противопоставления?

Обратимся теперь к основной, по нашему мнению, ошибке приведенного толкования. Она заключается в неправильном, с нашей точки зрения, понимании имени автора письма Гостяты. Дело в том, что общий смысл грамоты (вместо того странного содержания, какое находит в ней А. В. Арциховский) станет совершенно иным и значительно более правдоподобным при одном предположении, что авторство письма принадлежало не мужчине, а женщине.

Первое возражение, какое можно сделать (и уже делалось) по поводу этого предположения, — это отсутствие в известных нам памятниках и документах древней Руси упоминания хотя бы одной женщины с именем на *-ата* (*-ята*).

Действительно, все известные нам (от XI—XIII вв., главным образом новгородские) имена на *-ата* (*-ята*) принадлежат мужчинам.

Такими, например, были: ходивший походом на Царьград Вышата Добрынич, тысяцкий Киевский; Жирата, тысяцкий псковский; Гюрята Рогович, новгородец; Вышата Остромирович, сын новгородского воеводы; носивший такое же имя, соединенное с христианским именем отца, Вышата Васильевич Новгородец, возглавлявший удачный поход на Емь; имевшие прозвища, присоединенные к христианскому имени: новгородские епископы Лука Жидята и Лука Жирята, новгородский священник Герман Воята и др.

Однако это возражение, несмотря на кажущуюся его основательность, еще не является доказательством того, что автор письма — Гостята — не женщина.

Дело в том, что Гостята собственно не имя, а прозвище. К тому же прозвище,

⁴ В своей второй статье, в основном с тем же содержанием, А. В. Арциховский, очевидно, учитывая замечания палеографа,¹ датирует грамоту № 9 уже XI—XII в. (см. проф. А. В. А р ц и х о в с к и й, Археологические открытия в Новгороде. «Вестник АН СССР», 1951, № 12, стр. 60—69).

⁵ См. вклейку у стр. 65 «Вестн. АН СССР», 1951, № 12.

⁶ Там же и в «Вопросах истории», 1951, № 12, стр. 83.

образованное не от христианского имени. Следовательно, оно (как и ряд других и, вероятно, более многочисленных, чем известные нам) употреблялось в дохристианское время и в первые века христианства на Руси. Наследие письменности этой эпохи мы не богаты. Памятников древнее XI в. (если не считать отдельных слов, написания которых найдены в смоленских и последних новгородских раскопках) у нас нет совсем, а от XI—XII вв. их сохранилось очень мало.

Поэтому неудивительно, если летописи и другие немногочисленные памятники не донесли до нас многих имен и прозвищ, принадлежавших женщинам тех времен. Случаи упоминания имен княгинь — Ольги, Рогнеды, Переславы — единичны. Имен женщин других слоев общества и совсем нет, и мы их, таким образом, просто не знаем.

Между тем по своему составу слово Гостята с равным основанием может быть отнесено к собственным именам как мужского, так и женского рода.

Корень *гост-* мог не только употребляться в имени (прозвище) мужчины (например, в известных нам именах — Гостомысл, Гостило, Гостилец), но и входить в состав не дошедших до нас прозвищ женщин.

Что же касается суффикса *-ата* (*-ята*), то он дает лишь значение уменьшительности, указания же на род суффикс *-ата* не имеет. Следовательно, он мог входить в состав прозвища как мужа, так и жены, как сына, так и дочери.

С тем же значением уменьшительности и без указания на род (обычно с добавленным суффиксом *-к*, дающего оттенок пренебрежения) суффикс *-ата* (*-ята*) дожил в диалектах и до наших дней. Ср. Ваня — Ванята — Ванятка и Маша — Машята — Машятка.

Кстати и вся основа слова *Гостята* упомянута в грамоте № 9 не впервые — она встречалась, но только не в ономастике, а в топонимике: в новгородских писцовых книгах упоминается дер. *Гостятино*⁷.

Все приведенные выше соображения по поводу имени Гостята не доказывают, конечно, принадлежности его женщине. Но в данном случае вполне достаточным является уже и одно лишь признание такой возможности. Содержание грамоты, со своей стороны, полностью подтверждает авторство женщины.

Выше нами был поставлен вопрос, по какому случаю «сын» должен был получить имущество? При допущении, что письмо пишет не сын, а дочь, ответ становится ясным — она пишет о полученном ею от отца приданом и о подарках от родных, полученных ею при выходе замуж. Вполне понятно, что приданое жены поступало в распоряжение мужа. В таком случае в выражении *а то за нимъ* местоимение *он* обозначает мужа, а не отца.

В дальнейшем изложении Гостята противопоставляет время написания грамоты тому времени, когда она выходила замуж, и прибегает для этого к выражению *а ныне*: «А ныне привел новую жену, а мне не отдал ничего». Ни о каком отборе имущества нет и речи: муж получил в свое время приданое Гостяты, а теперь женился на новой жене (и, очевидно, получил и новое приданое!), покинутой же Гостяте из ее приданого ничего не отдал, не возвратил.

Дальше текст допускает различные толкования, но они уже несколько не противоречат установленному нами общему смыслу грамоты (за исключением слов *а иную*, о чем речь будет ниже). Арциховский делит текст так: *изби, в руки пустиль же мя, а иную полял*, считая лишь непонятным выражение *въ руки пустиль*.

Необходимо, однако, разобраться сначала в значении отдельных слов. Глагол *пустить* принадлежит к основному словарному фонду русского языка. Слова основного фонда «существуют века», так существует и слово *пустить*, причем до наших дней оно сохраняет свое основное значение: «открыть путь кому-либо куда-либо». Но поскольку основной словарный фонд все же подвержен изменениям, и глагол *пустить* сохранил до нашего времени не все свои прежние значения.

Одно из переносных значений этого глагола, позднее им утраченное, было значение развода. *Пустить жену* — значило «развестись с женой»⁸. Были и производные от слова *пустить*, сохранявшие тот же основной смысл развода: *отпуст* «самовольный развод», *пушеница* «разведенная жена».

Следовательно, слова грамоты — *пустиль же мя, а иную полял* означают: «развелся со мной, а на другой женился». Здесь второе отчетливое противопоставление первой, разведенной жены — другой, новой жене. Едва ли можно теперь сомневаться, что ни о какой второй женитьбе «на двух новых женах» (вот откуда двоеженство!) здесь и речи нет. Еще более странным было бы противопоставлять женитьбу мифического отца (*а иную полял*) изгнанию (*изби, въ руки пустил же мя*) столь же мифического сына.

Конец грамоты не вызывает сомнений, и здесь следует полностью согласиться с А. В. Арциховским. *Доеди, добре сотворя* — очевидно, равнозначно современному:

⁷ См. издание Археографической комиссии в шести томах «Новгородские писцовые книги», т. III, стр. 773 и Указатель к ним, стр. 123 (1915 г.).

⁸ См. словари Срезневского («Материалы для словаря древнерусского языка», т. II, №6, 1902) и Даля («Толковый словарь великорусского языка»), т. III, изд. 3 и 4, стр. 14—15).

Приезжай, будь добр. Остаются все же неразобранными слова перед глаголом *пустил*. Что значит *изби въ руки?*

Глагол *бить* и существительные *руки* могут быть объединены во фразеологическом обороте. А здесь, конечно, именно подобный оборот, так как слово *руки* дано в винительном падеже множественного числа: если бы это слово относилось к Гостяте — автору письма, то было бы «руцѣ» (винительный падеж двойственного числа).

Широко известно давнее сочетание *бить, ударить по рукам* — в значении «договориться, завершить сделку». В этом значении, но чаще в эллиптической форме, оно употребляется и сейчас («По рукам?» — «По рукам!»).

Но было и другое, архаическое теперь значение специального сложного слова *рукобитье* — в значении свадебного сговора.

Думается, что разделить слова в тексте грамоты падо не *изби, въ руки*, а *избивъ руки*, где *избивъ* является причастием прошедшего времени.

Точного значения этого выражения у нас также нет, но здесь возможна догадка о том, что оно выступает в смысле противоположном *рукобитью*: совершить *рукобитье* — заключить свадебный договор, а *избить руки* — его нарушить.

Следовательно, Гостята, жалуясь на невозвращение ее приданого после развода, в конце письма подчеркивает и нарушение брачного обета ее мужем, который развелся с ней, а на другой женился.

Такое содержание имеет эта грамота, сохранившая нам жалобы разведенной жены, какой-то Гостяты, жившей около 900 лет назад.

Вероятнее всего, эта Гостята была не княжеского происхождения, но едва ли она принадлежала к семье, стоявшей на низших ступенях тогдашней социальной лестницы: там не могли бы позволить себе роскошь официального развода и тяжбы о каком-то ценном приданом. Вероятнее всего, Гостята принадлежала к богатым, торговым кругам.

Возможно, что Гостята жила и не в Новгороде: в письме есть просьба приехать (*доеди*); следовательно, автор письма и адресат жили на каком-то дальнем друг от друга расстоянии. Письмо же, найденное у мостовой Холопией улицы, могло быть или брошено по прочтении его адресатом, или потеряно автором (передатчиком) до его отправки.

Интересен и характер жалобы отвергнутой Гостяты: она нигде не говорит о незаконности действий своего мужа. Он нарушил брачный обет, но он развелся и вновь женился, очевидно, не нарушая существовавших положений.

В Уставе Ярослава имеется статья (4-я), излагающая законные причины развода. Таких причин было установлено семь, все они говорят лишь о вине жены. В двух случаях говорится (в откровенной лексике той эпохи) о супружеской (со стороны жены) измене. В трех — о попытках жены или о ее помощи другим в злых умыслах на мужа («аще подумаетъ жена на мужа зельем»; «велит мужа своего красти», и «иметь кто мыслити на мужа ея, она ведаеть, а не скажетъ»). В двух — о хождении жены «опричь мужа своего» на игрища или на пир⁹.

В чем провинилась разведенная Гостята — остается неизвестным.

В заключение необходимо отметить значительность самого факта, что автором письма XI в. была женщина. До сих пор мы знали только одну подпись женщины того времени — Анны, дочери Ярослава, жены французского короля Генриха I и матери короля Филиппа. Сохранился акт, подписанный ею во Франции в 1063 г. Славянские буквы подписи говорят о том, что Ярослава еще в доме отца училась грамоте, а пропуск буквы «g» в слове *regina* говорит о ее южнорусском произношении, которому не было свойственно романское взрывное «г».

Однако Анна была дочерью великого князя, а Гостята, вероятно, принадлежала к иным кругам, и факт написания ею письма, несомненно, имеет исключительное значение для изучения древнерусской культуры. Возможно, конечно, что она писала не сама, а писал по ее поручению какой-то грамотей, не позабывший поставить и знак креста в начале письма.

Но в этом случае находка женского письма, которое не было чем-то исключительным для его автора, а явно носило характер обычного, заурядного способа общения, представляет собой поразительный факт, свидетельствующий о глубоких корнях и широком распространении русской письменности, начало которой до сих пор соотносили лишь с появлением в XI в. таких официальных памятников, как дошедшие до нас церковнослужебные книги — Остромирово евангелие, Новгородские служебные минеи да княжеские «Сборники Святослава».

Письмо Гостяты — первый образчик частного письма древнейшей поры. В сжатой форме простой разговорной речи оно рассказало нам об одном из бытовых фактов далекого прошлого, о семейной драме, пережитой неудачливой женой, неведомой Гостятой.

Ф. Ф. Кузьмин

⁹ См. статью С. В. Юшкова «Правосудье митрополичье», в «Летописях занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы», вып. 35, АН СССР, Ленинград, 1929.